Воспоминаніе о графѣ С. С. Ланскомъ.

Всеподданнѣйшіе отчеты о внутреннемъ состояніи Россіи, на основаніи Учрежденія Министерствъ (Св. Зак. т. I) должны представляться ежегодно министромъ внутреннихъ дѣлъ. Прежде ихъ составляли особые чиновники, избираемые непосредственно самимъ министромъ. Такъ при графѣ Перовскомъ составлялъ ихъ покойный Надеждинъ,- бывшій передъ тѣмъ профессоромъ Московскаго университета и редакторомъ Телескопа; позднѣе это дѣло поручалось другимъ лицамъ. Работа была многосложная. Надобно было сообразить отчеты шести департаментовъ и около семидесяти отчетовъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и разныхъ отдѣльныхъ управленій и комитетовъ (карантиннаго, Остзейскаго комитета, католической духовной коллегіи, лютеранскихъ консисторій и т. д.), сгруппировать представляемые ими факты и объяснять ихъ значеніе.

С. С Ланской (тогда еще не графъ) назначенъ былъ министромъ въ концѣ Августа 1855 года. Лично онъ меня не зналъ, а я его никогда и не видывалъ. Въ 1850 году онъ управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ во время отсутствія графа Перовскаго, но всѣ мѣсяцы его управленія я былъ въ командировкахъ, данныхъ министромъ. Въ 1855 году, съ Января по Апрѣль и потомъ съ Мая до конца года, я тоже не былъ въ Петербургѣ, исполняя въ разныхъ губерніяхъ порученія, данныя министромъ Д. Г. Бибиковымъ. Въ Августѣ 1855 года я производилъ одно слѣдствіе въ Москвѣ и однажды поутру, бывши у графа Закревскаго, узналъ отъ него о перемѣнѣ въ министерствѣ. Гр. Закревскій видимо былъ радъ увольненію Бибикова и не считалъ нужнымъ скрывать своей радости, не предвидя конечно, что года чрезъ три будетъ недоволенъ Ланскимъ еще больше, чѣмъ Бибиковымъ. Если Бибиковскіе инвентари въ Западныхъ губерніяхъ иногда лишали его спокойнаго сна, то порученное Царемъ-Освободителемъ дѣло несравненно большей важности должно было его совсѣмъ лишить и сна, и покоя. Изъ дѣлъ министерства извѣстно, что покойный графъ Закревскій былъ однимъ изъ самыхъ крайнихъ противниковъ благодѣтельной реформы 19 Февраля 1861 года.

Новый министръ, мнѣ совершенно неизвѣстный, а я нахожусь въ прямомъ и непосредственномъ его распоряженіи! Это заставило меня призадуматься. Московскіе друзья мои, знавшіе Ланскаго, увѣряли всѣхъ (въ чемъ вскорѣ я вполнѣ убѣдился), что новый министръ— человѣкъ въ высшей степени добрый и справедливый, самый пріятный въ отношеніяхъ къ своимъ подчиненнымъ и недоступный никакимъ интригамъ. Они и совѣтовали мнѣ тотчасъ же ѣхать въ Пе-

тербургъ, но я не исполнилъ ихъ совѣтовъ и отправился въ Нижній, гдѣ по Высочайшему повелѣнію слѣдовало мнѣ быть членомъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ коммиссіи объ отводѣ Нижнему Новгороду болѣе трехъ тысячъ десятинъ подгородной, такъ называемой «Ямской», земли подъ выгонъ. Дѣло этой коммиссіи затянулось; я рылся въ старинныхъ актахъ, и мнѣ посчастливилось доказать правà Нижняго на тỳ землю даже грамотою царя Ивана Васильевича, гдѣ упомянуто, что та земля принадлежала городу еще при самостоятельныхъ великихъ князьяхъ Суздальско-нижегородскихъ. Родной мнѣ, Нижній Новгородъ, получилъ и донынѣ владѣетъ этою землею, которая около двухъ столѣтій, т. е. со времени учрежденія ямовъ, была у него отнята. Наша коммиссія кончилась въ половинѣ Декабря, и я собирался послѣ праздниковъ, въ самомъ началѣ 1856 года, ѣхать въ Петербургъ. Дня за два до праздника я послалъ донесеніе въ министерство о закрытіи коммиссіи.

На другой день Рождества неожиданно получаю предписаніе министра (22 Декабря 1855 г., № 2011): «По полученіи сего имѣете вы немедленно возвратиться въ С.-Петербургъ и представить мнѣ о вашихъ дѣйствіяхъ по исполненію порученій, министерствомъ на васъ возложенныхъ» Больше ни слова! Отвѣтомъ на мое донесеніе объ окончаніи коммиссіи это предписаніе, судя по времени, никакъ не могло быть. Чтожъ это значитъ? Смущало меня и то, что на бумагѣ кромѣ подписи министра была скрѣпа директора: къ этому мы не привыкли. Теперь, когда пишу это воспоминаніе, передо мной лежитъ много предписаній графа Перовскаго и Бибикова безъ скрѣпъ: такъ во время òно сносились министры съ лицами, непосредственно имъ подчиненными. Послѣ это измѣнилось. Признаюсь, много добраго я не чаялъ и, оставивъ семейство въ Нижнемъ, на всякій случай сдѣлалъ распоряженіе, чтобы деревенскій домъ былъ удобенъ для житья отставному, и поѣхалъ въ Петербургъ. Интриги кипѣли тогда въ нашемъ министерствѣ, а я такъ долго былъ въ отлучкѣ. У меня были недоброжелатели, были и друзья истинные, искренніе друзья. Одинъ изъ нихъ (графъ Д. Н. Толстой) много говорилъ обо мнѣ новому министру и тѣмъ самымъ устроилъ мой вызовъ въ Петербургъ.

На другой день по пріѣздѣ получаю приказаніе завтра явиться къ министру. Въ назначенный часъ надѣваю мундиръ и ѣду къ невиданному пока еще мною начальнику съ спокойнымъ духомъ (я уже повидался съ гр. Толстымъ). Послѣ недолгаго ожиданія меня позвали въ ту самую зеленую комнату, гдѣ и у графа Перовскаго былъ кабинетъ [1]). Вижу предъ собой рослаго, привлекательнаго собою старца; круглыя черты его лица сіяли благодушіемъ и доброжелательствомъ; во всей представительной фигурѣ его видно было истинно-аристократическое изящество. Въ сторонѣ сидѣлъ Гвоздевъ, директоръ департамента общихъ дѣлъ, лѣтъ чрезъ пять послѣ близъ Твери кончившій жизнь подъ колесами желѣзнодорожнаго поѣзда. «Наконецъ-то!» были первыя обращенныя ко мнѣ слова министра.

---

[1]) При Бибиковѣ и Валуевѣ кабинетъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ министерскаго дома, что̀ у Александринскаго театра.

«Отъ чего вы такъ долго замѣшкали?» Я доложилъ о ходѣ дѣла въ Высочайше утвержденной коммиссіи о надѣленіи Нижняго землею. Распросивъ въ короткихъ словахъ о другихъ исполненныхъ мною порученіяхъ, Сергѣй Степановичъ сказалъ: «Вы мнѣ нужны, я выбралъ васъ для составленія всеподданнѣйшаго отчета. Этотъ отчетъ долженъ быть совсѣмъ особеннымъ, новымъ. Государь новый, министръ новый, а каково при этомъ положеніе государства! Вы получите нѣсколько десятковъ отчетовъ, и можно напередъ сказать, найдете въ нихъ оффиціальную неправду, фантазіи, вымыслы и ужъ непремѣнно самохвальство: каждый губернаторъ считаетъ теперь себя спасителемъ отечества. Въ моемъ отчетѣ должна быть одна правда, какъ бы она горька ни была, и ни малѣйшаго самовосхваленія. Необходимо вполнѣ ознакомить Государя съ Его наслѣдіемъ во всей его наготѣ, отнюдь не скрывая язвъ. Онъ посланъ къ намъ Богомъ какъ лекарь, чтобъ исцѣлить Россію отъ хроническихъ ея болѣзней и—дай только Богъ долголѣтняго Ему царствованія: Онъ исцѣлитъ насъ. А передъ лекаремъ язвъ не скрываютъ... Впрочемъ я набросаю на бумагѣ мои мысли относительно этого и завтра пришлю вамъ». Я поблагодарилъ министра за довѣріе и выразилъ сомнѣніе, оправдаю ли я его ожиданія. «Это почему?» спросилъ онъ. «Я началъ службу на поприщѣ педагогическомъ», отвѣчалъ я, «потомъ служилъ по особымъ порученіямъ при губернаторѣ и вотъ теперь при васъ, при третьемъ министрѣ; съ канцеляріей и съ канцелярскими обрядами я вовсе незнакомъ».—«Этого-то мнѣ и надо», сказалъ Ланской; поэтому-то я васъ и выбралъ. Я желаю, чтобы мой отчетъ нисколько не пахнулъ канцеляріей, чтобъ въ немъ былъ живой духъ, выраженный живымъ словомъ, а не мертвая бумага. Я знакомъ съ вашимъ перомъ, вы пишете немножко рѣзко; это для канцеляріи, конечно, непріятно, но для меня теперь нужно». Гвоздевъ сильно поморщился при этихъ словахъ, а министръ усмѣхнулся и примолвилъ: «я вѣдь говорилъ вамъ, Александръ Александровичъ, что мнѣ не канцелярская работа нужна. Вѣдь вы знакомы съ бытомъ народа?» обратился онъ послѣ того ко мнѣ.—«Знакомъ немножко, ваше высокопревосходительство», отвѣчалъ я.—«Много-то кто же его знаетъ?» сказалъ на то Сергѣй Степановичъ. Ваше «немножко» для меня «достаточно». Вы много ѣздили, долго жили съ народомъ, знакомы съ его нуждами и потребностями. Внесите эти знанія въ отчетъ. А главное—правда, строгая правда; пишите какъ бы стали вы говорить самому Государю, еслибъ Онъ спросилъ васъ...... Мало того, пишите какъ бы вы отвѣчали самому Господу Богу на страшномъ судѣ. Вы вѣрите въ страшный судъ?»—«Конечно вѣрю, ваше высокопревосходительство», отвѣчалъ я.—«Такъ помните же, что малѣйшая фальшь тамъ взыщется. Время такое, повторяю вамъ: Государь новый, министръ новый, обстоятельства трудныя... Если мы не замѣтимъ вашей фальши, тотъ Царь (онъ поднялъ руку къ верху) узнаетъ ее. Помните-же, что вы не просто отчетъ призваны писать, а такъ сказать, священнодѣйствовать. Понимате вы меня?» Я молча поклонился. «Фраза должна быть короткая, но сильная, въ предисловіи пожалуй допустите немножко риторики (это не вредитъ), но самой

скромной; а въ изложеніи будьте кратки и ясны. Пишите какъ вамъ Богъ на душу положитъ, а мы съ Александромъ Александровичемъ и другими директорами будемъ васъ цензуровать, поправлять. При общихъ силахъ, дастъ Богъ выйдетъ то, чего мнѣ хочется».

На другой день С. С. Ланской прислалъ мнѣ два листа бумаги, исписанныя его крупнымъ почеркомъ синимъ карандашомъ.

Прибавлю слѣдующее. Въ Маѣ или Іюнѣ 1856 г., на дачѣ на Аптекарскомъ острову, читалъ я начало отчета. Кромѣ министра, тутъ были директоры департаментовъ: общихъ дѣлъ Гвоздевъ, хозяйственнаго Милютинъ, иностранныхъ исповѣданій Хрущовъ, медицинскаго Рихтеръ, казенныхъ врачебныхъ заготовленій Ланге и полиціи исполнительной Оржевскій. (Едва ли не былъ и Легкобытовъ, тогдашній директоръ статистическаго отдѣленія—хорошенько не помню). Читая предисловіе, по какому-то, не помню теперь, отрывку, С. С. Ланской сталъ возражать. Директоры молчали, одинъ Гвоздевъ сказалъ что-то, поддерживая мысль министра. Я молча взялъ карандашъ, чтобъ отмѣтить какъ надо исправить согласно желанію министра. Я не сказалъ ни слова; но должно быть, замѣтивъ, по моему лицу, что я не согласенъ съ его мнѣніемъ, Ланской спросилъ меня: «А по вашему не такъ?»—«Не могу противорѣчить, ваше высокопревосходительство», отвѣчалъ я; «будетъ поправлено, какъ изволили приказать». —«Послушайте, Павелъ Иванычъ», съ несвойственной, казалось бы, такому старцу живостью, сказалъ на это Ланской, поправляя парикъ, что̀ всегда бывало съ нимъ, когда онъ, бывало, особенно оживится. «Мнѣ съ вами придется еще много работать; прошу васъ, чтобъ такихъ отвѣтовъ я никогда отъ васъ не слыхалъ. Спорьте, доказывайте, убѣждайте; помните Французскую пословицу: du choc des opinions jaillit la vérité» [1]. Послѣ того, въ продолженіе пяти лѣтъ, мнѣ не одинъ разъ приходилось возражать и спорить съ незабвеннымъ старцомъ. Онъ былъ не изъ тѣхъ что допускаютъ споры подчиненныхъ и, убѣдяся ихъ доводами, соглашаются и даже дѣлаютъ сообразныя распоряженія, но никогда не забываютъ и не прощаютъ переспорившаго.

Отчетъ былъ окончательно обработанъ въ концѣ Іюля и всеподданнѣше представленъ Государю Императору предъ отправленіемъ Его Величества въ Москву на коронацію. На возвращенномъ въ министерство отчетѣ была Высочайшая резолюція. Государь благодарилъ С. С. Ланскаго «за откровенное изложеніе недостатковъ» во внутреннихъ дѣлахъ Россіи и изволилъ выразить надежду, что «съ помощью Божіею и при общемъ усердіи эти недостатки будутъ устранены». Эта резолюція и нѣкоторыя выдержки изъ отчета были напечатаны въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1857 года. На поляхъ отчета было множество собственноручныхъ замѣчаній Государя и Высочайшихъ повелѣній, имѣющихъ великое значеніе въ исторіи Россіи. Въ нихъ заключались зачатки тѣхъ благодѣтельныхъ реформъ, которыми Государь Императоръ вскорѣ потомъ осчастливилъ народъ свой» [2].

Павелъ Мельниковъ.

[1]) Изъ столкновенія мнѣній порождается истина.

[2]) Сличи Русскій Архивъ 1875, книжка 1, стр 81.